

Вера Никитина
«Письма народных
музыкантов
(последняя четверть
XX века)»

М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2014.—
248 с.: нот., ил.

Письма составляют важнейшую часть архивов и являются ценнейшим материалом для исследования; письма публикуются в составе академических собраний сочинений. Однако когда речь заходит о фольклоре, письменные источники словно бы сами собой исключаются. Во внимание принимаются разве что заметки собирателя: его полевые записи, дневники, расшифровки. Кажется бы, миф о почти поголовной неграмотности и неразвитости крестьянства давно разрушен. Опровергнуто и другое некогда распространенное мнение об исключительной устности и безликостью «всеобщности» фольклорной традиции: песня ли, сказка, другой ли жанр возникает и существует в реальном исполнении конкретного человека. Тем не менее, исследователи по большей части обращаются к самим текстам или напевам, а информация об их создателях нередко дается в сносках или специальных указателях в конце работы.

Книга Веры Николаевны Никитиной открывает важную страницу современной фольклористики. Она основана на документах из личного архива собирательницы, много лет бережно хранившей письма от тех, кого ей доводилось встречать и записывать в экспедициях. В то же время автор отказалась от весьма распространенной формы публикации документов с комментариями. В центре внимания В. Никитиной не письменный источник, а человек — личность, испытывающая потребность в творчестве и выражающая себя как в пении или игре на музыкальных инструментах, так и в письмах, устных высказываниях, поступках.

Одновременно письма выступают историческими свидетельствами процессов эволюции народной традиции. В них затронуты чрезвычайно актуальные для сегодняшней науки вопросы: что происходит с народной песней в условиях соприкосновения традиционного деревенского уклада

и вторгающегося в него нового стиля городской жизни? Какие чувства испытывают люди, хранящие старинную культуру? Как они воспринимают отношение к самим себе в традиционной и нетрадиционной среде? Что думают о работе собирателей?

Книга состоит из трех частей. В первой — «Народные музыканты как авторы писем» — В. Никитина исследует положение музыканта в крестьянском сообществе и излагает теоретические вопросы, характеризую жанровую специфику эпистолярного материала, методику работы с ним и проблемы классификации. Автор рассматривает мотивы, побуждавшие адресантов к переписке, содержание писем и их стилистику, — как правило, напрямую связанную с устной речью, в которую нередко бывают вкраплены традиционные песенные или плачевые обороты, а то и фрагменты песенных текстов; обсуждает этические вопросы, связанные с публикацией относительно недавних документов.

Вторая и третья часть — очерки-портреты двенадцати народных исполнителей. Это музыканты из Белгородской, Курской и Воронежской областей. Большинство — певцы, но есть и инструменталисты, игравшие на гармонике, балалайке, кугиклах¹, пищиках. Годы рождения — 1910, 1914, ... 1921... — самый молодой из музыкантов родился в 1940 году. Большинство дожило до XXI века. Некоторые стали широко известны: их приглашали на всесоюзные и международные фестивали, показывали по телевизору. Снимались документальные фильмы с участием этих музыкантов, их голоса звучали по радио, выходили пластинки и диски с их записями, а их пение послужило моделью для многих молодых коллективов, занимающихся воспроизведением народных песен.

Обратитесь, однако, к официальным описаниям, например, прославленного ансамбля Покровского. В них вы не найдете имен тех, от кого записаны песни, например, Ефима Тарасовича Сапелкина из с. Афанасьевка Белгородской области. Именно в его варианте песня «Уж ты Поружка-Параня» стала одним из постоянных номеров коллектива. Широкую известность приобрели и многие другие песни из репертуара этого певца: «Мне не спится ноченькой», «Ночь темная», «Ты дубрава»...

В книге В. Никитиной есть и практически неизвестные фигуры. Автор не придерживается какой-либо схемы описания, каждый очерк индивидуален, как и человек, о котором он повествует. Объединяет написанное душевная теплота, искренняя симпатия к персонажам этой необычайно пестрой галереи.

¹ Кугиклы (кувиклы) — русская разновидность многоствольной флейты.

Никитина опирается на личные впечатления и воспоминания, использует фрагменты переписки за 1970–1990 годы, хранящейся в ее личном архиве, а также фотографии (обязательный фотопортрет исполнителя, экспедиционные фотографии и фотографии выступлений и фестивалей, семейные, предоставленные самим исполнителем или его родственниками). Непосредственное участие автора в некоторых описываемых событиях дает ракурс, который сама исследовательница называет «взгляд с близкого расстояния». Никитиной удается передать колоритность поведения ее героев. Вот Сергей Данилович Ермаков — дед Серёга. До войны он был помощником церковного старосты. С закрытием храма не смирился:

... [на своем дворе] соорудил... небольшую конструкцию из металлических труб и кусков железа, медных прутьев и груды тех же консервных банок. Все это обрело функцию многоголосной звонницы. С тех пор по утрам и вечерам природную тишину и покой оглашал причудливый перезвон. Дед Серёга знал, что без этого жить нельзя, и продолжал осуществлять свою миссию... (с. 91).

А вот портрет того же Сергея Даниловича в гостях у собирательницы:

В Москве он по привычке вставал в пять часов утра, чтобы идти «до Владыки или до Брежнева», — хлопотать о сельском храме. Я уговаривала его выйти из дома позднее. Тогда он брал тазик, замачивал в нем солому и плел шляпы, а потом ехал в Кремль и Верховный Совет СССР, куда его, естественно не пускали (с. 91).

Еще один эпизод: приехав к Ксении Тихоновне Капустиной, собиратели случайно попали на свадьбу, шедшую на городской лад. Никитина пишет:

Гремела музыка, танцевала молодежь. Пожилые родственники сидели в стороне и с грустью наблюдали за происходящим. Чтобы как-то их поддержать, мы с Ксенией Тихоновной запели большебыковские свадебные песни. Старинное многоголосие грянуло как гром среди ясного неба. Распевы сменялись один другим, затем началась пляска и частушки под гармошку. Для всех, особенно для приглашенной молодежи, поворот современной свадьбы в звуковую атмосферу традиционного обряда сделал встречу незабываемой (с. 119).

Цитируемые письма сообщают живым, насыщенным образом глубину. Выразительные, трогательно наивные, они становятся как бы голосом самого музыканта. В некоторых — по просьбе автора — исполнители рассказывают о себе. «Из пяти детей я был в семье самый меньший. Мать рано ушла из жизни, и мы остались обездоленные, как предметы» (с. 84). Очень просто звучат слова о нищем сиротском детстве, о милости соседей, делившихся лепешками из дорожника, о военном времени: пленении, побегах, лагерях. Некоторые из историй могли бы составить сюжет романа или фильма.

Никитина приводит факсимиле отдельных страниц: мы видим почерк, иногда устоявшийся, беглый, иногда неровный, крупный, порой — печатными буквами. Некоторые письма авторы — как встарь — диктовали грамотному родственнику.

Постоянным мотивом в выбранных Никитиной фрагментах является музыка: автору удалось показать нераздельность музыкальной культуры и жизни и быта. Нам предстает творимый ими мир — звучащий, наполненный пением и игрой. Исполнители рассказывают о буднях и праздниках, фестивалях, делятся впечатлениями о выступлениях, и их рассуждения опровергают миф о «самородках», которые не знают себе цены. Книга разрушает устоявшееся представление о народном музыканте как о непрофессионале. Ее герои очень требовательны к себе и «коллегам», к исполнительскому уровню. Они готовы передавать знания, но нередко понимают, насколько это эфемерно:

Мы не против, но нам непонятно, кто эти люди, кто будет учиться у нас, и какое нам удовольствие на старости лет петь и переживать за каждую песню и за каждое свое движение, ведь мы же теперь в курсе, как это бывает (с. 128).

Тем не менее, многие хотели бы сохранить, передать свой опыт. Например, Марина Алексеевна Бочарова после долгих сомнений высылает по просьбе собирательницы хрупкие тростниковые *кугиклы*: *гудень*, *подгудень*, *серёдняя*, *злесерёдняя*, *мизилютка*. Видя, что за долгие годы попыток никто не мог выучиться этому искусству, она все же наставляет:

Кугикл полный комплект и двое в запас, может какую загубите, а когда играть, то не забудь замочить донышки (с. 115).

Рожечник Николай Данилович Сорокин прислал в одном из писем цифровые записи девяти наигрышей, снабдив их своеобразными методическими рекомендациями:

У тебя на пленке есть запись. Ты можешь восстанавливать в памяти мелодию, подстраивать рожок. Хорошо изучи звуки каждой дырочки и с помощью поднятия пальцев извлекай те звуки, которые необходимы <...> но только не в виртуозном исполнении, а так, как я тебе написал на листе. Исполнивай звуки так, как требует сама мелодия. Притом один и тот же звук может быть и коротким, и длинным (с. 98).

Сама собирательница, по-видимому, не имевшая дело с табулатурой, воспринимает этнозапись как «дилетантскую», «примитивную» (с. 47), хотя при сравнении этой лаконичной фиксации с расшифровкой самих наигрышей становятся понятны ее удобство, естественность и... *порождающий потенциал*. В ней ясно видна коленная структура, которая в нотах предстает беспорядочным чередованием элементов. Музыкант, выучивая по нотам именно такую последовательность, не станет пробовать скомпоновать наигрыш иначе. К тому же, несомненно, проще запомнить, какому пальцу соответствует цифра, чем вспоминать, на какой линейке нотного стана писать ноту, соотносящуюся с нужным отверстием (для другого инструмента это окажется иная высота!). Этнозапись более универсальна, она рассчитана на практику, на двигательные ощущения исполнителя.

Книга В. Никитиной читается на одном дыхании. В ней соединяются выразительность эпистолярного жанра и яркость собственных впечатлений автора. Во многих очерках есть отсылки к компакт-дискам серии «Русский фольклор: Голоса уходящего века», на которых запечатлены песни и наигрыши в исполнении героев книги.

Евгения Хаздан